

Глава 22. Я вовсе не обязан тебе жизнью

Ци Цзю: «...»

«У тебя под ногами целая река, — встревоженно предложила Система. — Прыгай сейчас, может, успеем перезапустить историю в другой книге...»

Договорить она не успела: воздух пронзили испуганные крики.

Старый мост Удин, давно не видевший ремонта, окончательно размок под ливнями. Подпорки не выдержали, и огромный кусок настила вместе с перилами с грохотом обрушился в воду.

Как раз там, где стоял Юй Юньлян.

Державшие его люди в ужасе отпрянули. Они не только разжали хватку, но и в панике — чисто машинально — сильно толкнули юношу. Юй Юньлян оступился, потерял равновесие и камнем рухнул в яростные воды Хуньхэ.

Система ахнула: «Почему он прыгнул первым?!»

С этого момента сюжет окончательно свернул с предначертанного пути. В прошлой жизни ничего подобного не случилось: мост стоял крепко, и Юй Юньлян оставался на суше. Шэнь Гэ тогда вызволил его без малейшего труда. В конце концов, какими бы наглými ни были эти столичные бездельники, они не осмеливались перечить члену императорской семьи. Даже если Шэнь Гэ был лишь немощным изгнанником, доживающим свои дни в полуразрушенном поместье, он всё ещё оставался принцем, и связываться с ним никто не хотел.

Но сейчас обстоятельства изменились... Речным водам было плевать на титулы и происхождение.

Система ещё не успела оправиться от шока, как заметила, что Ци Цзю тоже падает: «А ты-то зачем прыгнул?!»

Река, вздуваясь от ливней, неслась бешеным потоком. На плотинах выше по течению трижды открывали шлюзы, и любой, кто попадал в эту бездну, исчезал мгновенно — вода поглощала жертву, не оставляя даже брызг.

Ци Цзю, находясь в свободном падении, парировал: «Разве это была не твоя идея?»

«...Это был худший вариант из возможных! — взывала Система. — За принудительный выход через самоубийство штрафуют! И очень больно бьют по кошельку!»

Ци Цзю негромко рассмеялся, отбрасывая шутки. Наметив глазами обломок мостовой доски, он приземлился на него, оттолкнулся, гася инерцию, и взмыл в воздух: «Это вышло случайно. Помогите мне найти Юй Юньляна».

Он вовсе не собирался топиться. Те бездельники на мосту тоже не планировали убийства; перепугавшись до смерти, они бросились врассыпную, даже не сообразив, что произошло. Шэнь Гэ, чье тело было источено недугами, а ноги едва слушались, просто не устоял, когда толпа рванулась прочь, и последовал за героем в пучину.

Система быстро просканировала бурлящий поток и обнаружила среди волн край черного одеяния.

Ци Цзю задействовал часть своих данных: затаив дыхание и сосредоточив энергию в даньтяне, он совершил резкий рывок, на лету ухватившись одной рукой за выступающий камень мостовой опоры. Сжимая в зубах ивовый прут, он перегнулся через край и подхватил Юй Юньляна, которого уже затягивало под воду. Сейчас Ци Цзю вступил в схватку с самой рекой, чья мощь казалась сокрушительной.

«Красиво, — Система не удержалась от аплодисментов. — Но зачем тебе эта ветка?»

Ци Цзю, всё еще удерживая прут зубами, ответил, едва разжимая челюсти; нежные зеленые листочки трепетали на весеннем ветру:

— Мне показалось, она симпатичная.

Система, смирившись с его причудами, послушно превратилась в невзрачную, но крепкую конопляную веревку, надежно привязав его к опоре моста.

Ци Цзю потребовалось немало времени, чтобы вытащить Юй Юньляна. Слабое тело Шэнь Гэ не было предназначено для таких нагрузок; во рту уже явственно ощущался привкус крови, а перед глазами плясали золотые искры.

Под мостом обнаружился крошечный каменный выступ, едва способный вместить двоих. Тяжело дыша, Ци Цзю опустился на него и осторожно уложил Юй Юньляна. Юный евнух лежал неподвижно, его мокрое лицо было мертвенно-бледным, глаза плотно закрыты.

Система заволновалась: «Он что, утонул?»

Ци Цзю легонько коснулся его ресниц кончиком ивового прута. Заметив едва уловимую дрожь, он спрятал руки в широкие рукава:

— Нет.

Парень был жив и явно умел задерживать дыхание, притворяясь мертвым — похоже, он даже воды не наглотался. В этой жизни всё шло иначе, но суть оставалась прежней: Юй Юньлян вполне мог справиться и без помощи Шэнь Гэ.

Над рекой гулял пронизывающий весенний ветер. Юй Юньлян, казалось, окончательно окоченел, его кожа стала совсем прозрачной — со стороны он выглядел так, будто вот-вот испустит дух.

Ци Цзю снял верхнее одеяние и накрыл им юношу, который упорно продолжал играть роль трупа. Сам он привалился к каменной опоре, скрестив ноги и восстанавливая дыхание. От нечего делать он принялся вертеть в руках ивовый прут, пока тот не свернулся в аккуратное кольцо. Получилось неплохо — как раз по размеру запястья. Ци Цзю примерил подарок, поправил пару листочков и мимоходом надел его на руку Юй Юньляна.

На бледном, холодном запястье ивовый браслет смотрелся странно: ярко-зеленые листья прильнули к тонкой кости, выглядя необычайно нежно и трогательно.

В то же мгновение Юй Юньлян распахнул глаза.

— Очнулся? — спросил Ци Цзю.

Юй Юньлян рывком сбросил с себя его одежду, поднялся на ноги и сорвал с руки странную плетенку. Не глядя, он брезгливо швырнул ивовый венец прямо в реку. Он промок до нитки и выглядел жалко, но дыхание его оставалось идеально ровным.

В его бездонных темных глазах не было и следа юношеской растерянности — в них застыл холод и властность будущего все сильного Дугуна.

«Он раздумывает, — предупредила Система. — Убить тебя прямо сейчас или подождать? И если убивать, то как именно».

В прошлой жизни Юй Юньляна не смог напугать даже умирающий на ложе император. Вскоре после гибели евнуха в водах Хуньхэ историки вписали в летописи его главное преступление — цареубийство. Сейчас же немощный свергнутый наследный принц и вовсе не внушал ему страха. Стоит лишь толкнуть Шэнь Гэ в поток, и никто не заподозрит немого юношу. Даже если Дунчан, Сичан и Цзиньивэй объединят силы, они увидят лишь несчастный случай: принца случайно столкнула толпа... Для такого хрупкого человека, как Шэнь Гэ, смерть в холодной реке — дело вполне естественное.

Юй Юньлян вперил взгляд в Шэнь Гэ. В его глазах не было ни ярости, ни ненависти — лишь ледяное спокойствие, острое, как лезвие клинка.

Они были мечом и точильным камнем. И когда такие вещи оказываются рядом, исход всегда один: либо камень ломает меч, либо сталь окажется достаточно твердой, чтобы, обретя остроту, сокрушить камень. Юй Юньлян уже перенял от Шэнь Гэ всё, что ему было нужно. Этот человек стал бесполезен, вызывая лишь глубокое отвращение.

Глядя на Шэнь Гэ, Юй Юньлян вспоминал те семнадцать ударов. Чтобы получить заветный указ, Шэнь Гэ не пощадил его: нож входил глубоко, до самых костей, оставив калекой на всю жизнь. Юй Юньлян не знал, из чего сделано сердце этого человека, и правда ли его кровь отравлена с рождения — ведь пока он служил Шэнь Гэ, то никогда, ни единым словом или жестом, не предал его интересов. Если бы в тот день Шэнь Гэ не поднял на него руку, он сам бы прикончил императора и вложил печать в его ладони.

Юй Юньлян присел перед ним, схватил за ворот и принялся молча разглядывать. Утопить ли его здесь, в мутных водах? Или воспользоваться случаем и вскрыть грудную клетку... чтобы проверить: было ли это сердце черным с самого начала?

Глядя на уровень «очернения» главного героя, Система почувствовала неладное. Её невзрачная веревка мелко задрожала, пытаясь оттащить Ци Цзю назад.

Тот лишь небрежно развязал узел, заплетенный бантиком.

«Ты с ума сошел? — Система не на шутку перепугалась. — Этот герой — из "возрожденных", он спит и видит, как тебя прирезать».

Ци Цзю мысленно отозвался: «Я знаю».

В обычной ситуации концепция возрождения означает катастрофический старт. Старая ненависть сделала Юй Юньляна еще более беспощадным и жестоким. Если не разрубить этот узел, будущий распорядитель станет настоящим чудовищем, превратившись из героя в главного злодея.

Поэтому «золотой палец», который Ци Цзю принес в этот раз, был из серии духовного просветления: «исцеление ненависти» и «отказ от мирской суеты». В конце концов, Юй Юньлян уже прожил жизнь, он знает все тайные ходы и интриги двора — учить его заново нет смысла.

«Как ты думаешь, — спросил Ци Цзю у Системы, — какой самый быстрый способ избавить Юй Юньляна от ненависти?»

Система долго просчитывала варианты, пока не замерла над результатом: «...Дать ему тебя убить».

Ци Цзю остался доволен. Он мысленно достал калькулятор: «А как насчет отрешения от мирского?»

Система-веревка завязалась узлом, цифры в её коде путались: «Позволить ему заживо освежевать тебя...»

Пришлось признать: логика Ци Цзю была пугающе эффективной. В конце концов, курьер «золотых пальцев» не чувствует боли — для него это будет не более чем легкое почесывание. Даже если Юй Юньлян решит изрубить его в фарш, для Ци Цзю это станет лишь финалом главы. Несколько строк в романе, от силы полстраницы.

«Создай мне буферную зону перед смертью и закажи хот-пот, — решил Ци Цзю. — Острый, побольше перца... А то здесь чертовски холодно».

Ци Цзю не имел ничего против мести Юй Юньляна. По его мнению, Шэнь Гэ заслужил свой финал, и оправдываться тут было не в чем. Если смерть Шэнь Гэ поможет Юй Юньляну преодолеть внутренних демонов и стать достойным героем... что ж, получить за это бонусы будет куда проще, чем в других мирах.

Убежденная Система оставила их в покое и принялась изучать меню.

Ци Цзю вернулся к реальности и встретился взглядом с Юй Юньляном. Глаза того были чернее ночи, а лицо — белее бумаги. Он казался идеально выкованным клинком из обсидиана. Но сейчас в этом взгляде отражалось редкое для него раздумье.

Юй Юньлян слегка нахмурился. Он явно почуял перемену в Шэнь Гэ. Удерживая его за ворот, он придвинулся ближе.

— Ты, — медленно прохрипел Юй Юньлян, голос его был сорван. — Что ты знаешь?

Этот Шэнь Гэ не походил на того, кого он помнил. В его памяти принц в тот день действительно спас его, но лишь разогнал толпу и увез в поместье. Юй Юньлян сам подстроил обрушение моста, чтобы упасть в реку — он хотел проверить этого человека. Он слишком хорошо знал, как Шэнь Гэ дорожит своей шкурой и как умеет просчитывать выгоду. Если бы он не просто стал жертвой издевательств, а оказался в смертельной ловушке ледяного потока, Шэнь Гэ ни за что бы не бросился за ним.

В этой жизни Юй Юньлян не хотел иметь с ним ничего общего. Лишняя связь мешала бы планам мести — если Шэнь Гэ умрет сразу после их встречи, подозрение падет на него. Юй Юньлян хотел, чтобы Шэнь Гэ стал невинной жертвой обстоятельств. Для амбициозного свергнутого наследного принца, мечтающего о троне, такая нелепая смерть была бы худшей

карой.

— Зачем, — Юй Юньлян не сводил с него глаз, — ты прыгнул за мной?

Ци Цзю даже не думал над этим. Да и Шэнь Гэ не обязан был отвечать — у него не было внутренней силы, а если бы и была, он не стал бы рисковать собой ради слуги. Ци Цзю просто подхватил его... потому что тот тонул. Даже если парень умел притворяться мертвым, безумная река могла поглотить его в любой момент.

Пока они говорили, вода поднялась уже до пояса. На берегу люди в панике разбежались, а городская стража оглушительно била в гонги, предупреждая о наводнении. Юй Юньлян был наивен в своей уверенности: против такого разгула стихии человеческие силы ничтожны.

Ци Цзю захлебнулся нахлынувшей волной, закашлялся, выплевывая сукровицу, и выдал единственную подходящую фразу из репертуара Шэнь Гэ:

— Потому что... ты смазливый?

Юй Юньлян посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

Ци Цзю выдержал взгляд и мысленно позвал Систему: «Что не так? Разве это не его слова?»

«...Это фраза, которую Шэнь Гэ сказал куртизанке Сяо Таохун во Дворе Ихун», — отозвалась Система.

Шэнь Гэ сошелся с Юй Юньляном только ради выгоды, в этом не было ни капли чувств. В глазах принца бледный как привидение евнух никак не мог быть «красивым».

Ци Цзю: «...»

Юй Юньлян, очевидно, тоже счел это полным абсурдом. Его терпение иссякло. Вода прибывала, выступ под мостом вот-вот должен был скрыться под волнами. Юй Юньлян разжал пальцы, выпуская ворот человека, который продолжал невозмутимо сидеть, спрятав руки в рукава:

— Тебе не следовало меня спасать.

Он смотрел на Шэнь Гэ, и неясно было, говорит он о прошлом или о настоящем:

— Я вовсе не обязан тебе жизнью.

Юй Юньлян никогда не чувствовал себя должником Шэнь Гэ. За каждый урок он платил верностью, за каждое умение — выполненным приказом или чьей-то смертью. Он всегда был таким: никто в этом мире не мог претендовать на его признательность. Юй Юньлян жил только для себя и умирал тоже для себя.

В прошлой жизни Шэнь Гэ совершил ошибку — он перешел черту, решив, что Юй Юньлян должен умереть за него.

Ци Цзю понимал это. Поток становился всё яростнее, его начало смывать с выступа, и он вынужден был ухватиться за опору.

— Уходи первым, — напомнил он юноше. — А то и впрямь утонешь.

Взгляд Юй Юньляна стал странным:

— Почему я не могу умереть?

Он в упор смотрел на этого странного принца и медленно, с горькой усмешкой, повторил его нелепые слова:

— Потому что я... смазливый?

Было очевидно, что он сам так не считает, и в его голосе сквозила ядовитая ирония. Ци Цзю не мог честно признаться, что дело в бонусах. Он снова собрал остатки сил, выровнял дыхание и посмотрел на Юй Юньляна. Посмотрев, он не выдержал и негромко рассмеялся:

— Ну да... Ладно, иди уже. Если не уверен в своей технике легкости, не лезь на опоры.

Ци Цзю мысленно открыл карту и указал направление:

— Вон там, чуть впереди, есть пристань. Проплыви немного по течению, сам увидишь.

Он слегка подтолкнул Юй Юньляна, и того, подхваченного неистовым потоком, понесло вперед. Ци Цзю, держась за камень, махнул ему рукой на прощание:

— Ты красивый, самый красивый.

Юй Юньлян: «...»

Безумец. Свергнутой наследный принц явно лишился рассудка.

Юй Юньляна охватило странное чувство: ненависть никуда не делась, но эта нелепая сцена на мгновение сбила его с толку. Стоило ему потерять опору, как течение окончательно подхватило его. Юй Юньлян не обладал глубокими познаниями в боевых искусствах — лишь тем, чему учили палачей в Дунчане. Он прыгнул в Хуньхэ, полагаясь на умение плавать, которому научился в детстве на лесных ручьях.

Но лесной ручей — это не великая река, а великая река во время паводка — нечто иное. Юй Юньлян помрачнел, но, скрепя сердце, вынужден был плыть в сторону пристани, как указал ему этот сумасшедший.

Оказалось, Шэнь Гэ владел техникой легкости, раз смог спрыгнуть за ним... В прошлой жизни Юй Юньлян об этом и не догадывался. Он всегда считал, что яд превратил принца в беспомощного калеку. Шэнь Гэ скрывал свою немощь, ненавидя, когда кто-то видел его слабость, и Юй Юньлян никогда не видел его в моменты истинных приступов. Те, кто случайно становился свидетелем, немедленно изгонялись из столицы в самые глухие уголки империи. При такой тирании и жестокости ранняя смерть была бы для Шэнь Гэ избавлением.

Пусть бы он умер поскорее, меньше бы грехов совершил... Может, тогда в круговороте перерождений ему бы не пришлось столько раз проходить через пытки кровавых прудов и чанов с кипящим маслом.

Размышляя об этом, Юй Юньлян невольно обернулся и замер.

Позади него река, мутная и яростная, неслась в безумном танце, увлекая за собой песок и камни. А тот человек всё еще сидел там, лениво прислонившись к опоре... и тянулся рукой к воде, пытаясь поймать какую-то ивовую ветку.

Налетевший вал накрыл его с головой. Ивовый прут канул в бездну, а за ним исчезла и тень человека.

Юй Юньлян пришел в себя, когда река едва не раздавила его об остатки пристани. Он выбрался на берег, задыхаясь и отплевываясь от мутной воды. Но в его руке был зажат ворот чужого одеяния.

Он с силой потащил ношу за собой, вытягивая из потока бездыханное тело. Юй Юньлян швырнул человека на камни и сам повалился рядом, пытаясь отдышаться. Грудь его ходила ходуном, а в глубине зрачков застыло нечто нечитаемое. Он и сам не понимал, зачем это сделал. Возможно, потому что его план заключался в том, чтобы собственноручно утопить или замучить Шэнь Гэ.

Он не мог позволить этой твари отделаться так легко.

Юй Юньлян сжал кулак и нанес резкий удар по замершей груди принца. Раз, другой, третий. Когда он уже почти потерял терпение и собрался тащить этого заморыша к лекарям, человек на земле дернулся и начал надсадно кашлять.

Юй Юньлян отстранился и поднялся, глядя сверху вниз на жалкого изгнанника.

— Я видел, — он презрительно ткнул носком сапога в плечо Шэнь Гэ. — Отправишь меня в ссылку или прикажешь казнить?

В его руке блеснул острый кинжал, острие которого медленно заскользило по ребрам принца. Но человек на земле не мог ни сослать его, ни казнить.

После нескольких приступов кашля Шэнь Гэ вдруг затих. А мгновение спустя его буквально захлестнуло кровью. Это не было следствием утопления или грубой помощи. Старые раны и яд не выдержали: использование внутренней силы нанесло сокрушительный удар по изношенному организму.

Зрачки Юй Юньляна едва заметно сузились. Он схватил принца за ворот, а кровь продолжала литься из того, точно вода, заливая руки Юй Юньляна и окрашивая его одежду в багрянец. Обжигающе горячая, невыносимо яркая... Оказалось, что даже у такого человека кровь — алого цвета.

— Да перестань ты уже, — Юй Юньлян нахмурился. Он ненавидел вид крови: это напоминало ему о слишком многих вещах из прошлого. — Прекрати.

Шэнь Гэ, удерживаемый им, слабо вздрогнул. Он приоткрыл глаза, но сознание его явно блуждало где-то далеко, а кровь всё текла. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться на Юй Юньляна. Тот всё еще сжимал его ворот и некоторое время смотрел на алые пятна, пока Шэнь Гэ, осознав, что это его собственная кровь, вдруг слабо улыбнулся.

Он попытался выпрямиться, но силы окончательно оставили его, и он тяжело повалился на плечо юноши. Юй Юньлян невольно подхватил его.

— Скоро... — прошептал Шэнь Гэ, уткнувшись в его плечо. — Не торопись.

Скоро кровь перестанет течь.

— Помолчи, — оборвал его Юй Юньлян, придерживая одной рукой.

В другой руке он всё еще сжимал обнаженный кинжал. Это мешало, и он огляделся по сторонам, ища взглядом повозку. Он нахмурился, собираясь убрать оружие и оттащить этого доходягу в ближайшую лавку к лекарю, но вдруг почувствовал, как холодные пальцы сжали его запястье. Чужая ладонь крепко обхватила рукоять кинжала... и, кажется, тщательно выверила

угол.

В этот миг река, окончательно обезумев, обрушила на берег гигантский вал. Шэнь Гэ резким движением толкнул его, повалив на землю и накрыв собой, защищая от летящих камней и обломков. Гулкий поток ударил сверху и тут же отхлынул прочь.

Юй Юньлян лежал на мокрых плитах пристани, пытаясь прийти в себя. Он потянул за плечо человека, который так и остался лежать на нем. Голос Юй Юньляна снова стал хриплым — он не был нем, но старая травма часто мешала ему говорить ясно:

— ...Шэнь Гэ?

Он не был уверен, что его услышали. Юй Юньлян шевельнул затекшей правой рукой. Шэнь Гэ всё так же неподвижно лежал на нем, а кинжал... кинжал по самую рукоять ушел в его грудь.

Вся кровь была смыта водой, а новая уже не текла. Лишь тонкая, почти прозрачная розовая струйка медленно смешивалась с дождевыми потоками.

Шэнь Гэ замер. Его глаза были полукоткрыты, но он больше не двигался.

<http://bllate.org/book/16113/1590383>